

люди искусства

СВОЙ ГОЛОС

Юрий МОСЕСВИЛИ

Семнадцать лет назад я брал интервью у лауреата Всемирного фестиваля молодежи Джансуга Кахидзе. Тогда ансамбль его «Швидкаца» (дословно «Семеро мужчин») покорила жюри форума и разноязычных его гостей, а затем стал необычайно популярным и у себя на родине, породив мгновенно распространившуюся моду, — подобные коллективы возникали друг за другом буквально в каждом районе Грузии. И тогда я записал с его слов: «Открытия мы не делали. Просто перенесли на профессиональную эстраду народную форму исполнительства. Популярность вокального септета легко объяснить — он мобилен и вместе с тем позволяет «оперировать» народной грузинской полифонией».

Джано с головой окунулся в то время в поиски и обработку народных песнопений, и это никого не удивляло — освоивший основательно традиции домашнего вокального музицирования, он за два года (1) прошел полный консерваторский курс хорового дирижирования, еще студентом решил возглавить государственную капеллу, где до сих пор помнят кристальный слух и «ясную» руку двадцатисемилетнего хормейстера. Успехи его были оценены по заслугам — несмотря на молодость, он стал кавалером ордена «Знак Почета», получил звания заслуженного деятеля искусств. Ясно было, что творческие привязанности Кахидзе и дальнейшие пути его в искусстве предопределены. Оттого-то и остались в моем блокноте неиспользованными заключительные строки первого интервью: «Готовлю себя к работе с симфоническим оркестром».

Но Джано хорошо знал, что говорил. Такая уверенность в себе была не крестницей легких удач, да и не только свойством характера. Человеком, который для профессионала довольно поздно — в четырнадцать лет — вдруг упорно и жадно начал заниматься музыкой, двигало сознание, что от планов к результатам ведет внутренняя, почти органическая потребность посвятить себя музыке. Как только при Тбилисской консерватории открылся факультет оперно-симфонического дирижирования, Кахидзе — снова студент первого курса. В свою вторую студенческую пору он снова берется за решение серьезных исполнительских задач, ставит оперные спектакли, дирижирует симфоническим оркестром. Но, получив диплом, а с ним и формальное право осуществить наконец свой замысел, Джано на удивление не спешит и остается в аспирантуре. Опыт работы с человеческим голосом, богатое знание народного мелоса еще надо было поставить на службу новой работе, еще предстояло обрести новую технику, перелистать десятки партитур.

Раскрыть, как принято говорить, замысел композитора, материализовать авторскую мысль, записанную знаками-символами, — прямая задача дирижера. Правда, столь общее, а потому расхожее определение дирижерской миссии мало о чем говорит — строчкам не дают жизнь все исполнители. Однако, если у большинства музыкантов есть свой инструмент, возможность непосредственного выражения своих мыслей и чувств, то у дирижера все обстоит иначе. Ведь деревянная палочка, ожидающая его на podio, может стать волшебной только в том случае, когда мажорные артистические индивидуальностей оркестрантов, их разнообразные вкусы, привязанности, мнения будут подчинены одной-единственной авторитетной воле. Восходя

на подиум, дирижер, как ни парадоксально, меньше всего опасается бескомпромиссности публики и менее всего рассчитывает на снисходительность своих же подчиненных. Он понимает, что его оркестр самый жесточайший критик или, если получится, если повезет, самый ревностный его поклонник, единомышленник. Другой альтернативы нет. Чтобы вышло, повезло, надо быть действительно дирижером, жесту которого беспрекословно и с радостью подчиняются музыканты. Вот почему Джано Кахидзе так тщательно готовился, прежде чем стать для опытного коллектива Грузинского государственного симфонического оркестра «истиной в последней инстанции».

Шел он в оркестр, казалось бы, окольными путями. Годы работы в оперном театре озаменовались несколькими по-настоящему яркими работами. Среди них — «Сказание о Таризле» Ш. Мшвельдзе, мощатковский «Дон Жуан», «Дон Паскуале» Доницетти, «Борис Годунов» Мусоргского, «Абесалом и Этери» З. Паляшвили. Для этих традиционных, репертуарных спектаклей Д. Кахидзе нашел свежие музыкальные краски. Потом приглашение в Польшу, где он в Лодзинском театре ставит «Абесалом и Этери», выдержавшую за два сезона 28 представлений. Выступает с симфоническими концертами, играя наряду с Чайковским, Шостаковичем, Хачатуряном сочинения Мачавариани, Баламчивадзе, Квернадзе, Насидзе, Канчели. Кстати, миссия пропагандиста грузинской музыки в Польше оказалась плодотворной. Творческие контакты грузинских и польских музыкантов продолжаются по сей день.

Но вот наступил март сорока третьего. Д. Кахидзе становится за пультом Государственного симфонического оркестра Грузии, в памяти которого еще свежи взлеты славы, триумфальные концерты со знаменитыми маэстро, а также и неудачи, которых в последнее время становилось все больше. Перед Джансугом встала серьезная задача и отнюдь не творческая. Ему предстояло укомплектовать оркестровые группы, и он рискнул пригласить молодежь прямо со студенческой скамьи. Работы хватило на полсезона. И вдруг вызывающая заявка: количества премьер, объявленных в четырех концертах, хватило бы на любой самый богатый сезон.

Не знаю, с чего бы начал другой, более осторожный. Наверное, с репертуарных, «наигранных» вещей. Новый главный дирижер начал с новой для коллектива музыки. Рядом с Гайдном и Рахманиновым на пульты легли ноты «Весны священной» Стравинского, только что написанной Третьей симфонии Г. Канчели, «Тилиа Уленшпигеля» Р. Штрауса, скрипичного концерта С. Насидзе. А затем целый цикл премьер — Мачавариани, Габичвадзе, Торадзе, Глonti, Карухнишвили. Обращало на себя внимание, что Кахидзе сознательно ставит первой задачей играть партитуры, на которых еще не просохли чернила. Так определилось новое лицо оркестра.

Сейчас, когда рецензенты отмечают, что струнная группа неожиданно обрела тембр, появилась ритмическая база, а медь зазвучала, как чистое золото, когда поклонники таланта Джано, не сходя его скромности, говорят о «симфоническом диктате» в музыкальной жизни республики, когда действительно концерты оркестра проходят при аншлагах, а за кулисами дирижеру приходится беречь свою руку от бесконечных рукопожа-

тий, сейчас пришла пора и задуматься: а что все-таки произошло? Только ли завидная энергия, настоянная на давней, упрямой и беззаветной любви к профессии, причиной всему? Только ли сочетающаяся с эмоциональностью деловитость и трезвость помогли из минимума возможностей взять максимум? Знание ли это не только о музыке, но и о людях, умение собрать их в единый организм, разных и по способностям, и по характерам, заразить, убедить, влюбить в себя?

Ответить на все эти вопросы — значило бы обратиться к авторитету психолога, к социальным аспектам творческого процесса. Ведь деятельность оркестра стала в республике социально, общественно оцениваемой величиной. Оркестр Кахидзе не лаборатория для экспериментов «в своем кругу». Дирижер ориентируется на широкого слушателя, возрождая забытые традиции «симфонических понедельников». Охотно играет в филармонических лекционных циклах, приглашая исполнителей без оглядки на звонкое имя, предлагает авансцену музыкантам из оркестра, где каждый почувствовал себя солистом. Дает концерты-монографии, посвященные грузинским композиторам и вместе с тем налаживает самые живые связи с коллективами и исполнителями других республик.

Одна из таких особых страниц в новой биографии коллектива — «концерты дружбы», в которых за пультом сменяли друг друга Джано Кахидзе и замечательный армянский хормейстер Ованес Чекиджян. В ереванских и тбилисских выступлениях академическая капелла Армении и грузинский симфонический показали грандиозную по насыщенности и сложности совместную программу, ставшую музыкальным праздником двух республик. «Грузинским музыкальным миссионером» окрестили Д. Кахидзе во время его вторичных, на сей раз с оркестром, гастролей в Польшу. Лодзинский «Глос работников» назвал коллектив «превосходным экспортером достижений культуры Страны Советов», а его руководителя удостоили звания почетного гражданина города.

Берущийся с особым удовольствием за то, что еще не имеет интерпретаций, музыкант богатой интуиции, полагающийся на свою творческую волю, старающийся обрести во всем собственный голос, Кахидзе не исключает в творческом процессе сомнений. Трудной была его работа над Пятой симфонией Бетховена, и трудной эта симфония осталась для него по сей день. Он знает, что и в чем не готово, не спешит, еще и еще работает. И вдруг — казалось бы, что еще можно добавить к исполнительской истории знаменитой бетховенской Девятой, — Кахидзе демонстрирует с капеллой Чекиджяна великолепное чувство темпа, мощь, пластику и в сочетании с ней строгую логику образов сочинения.

Ему часто задается вопрос: не идет ли работа на износ, не велики ли нагрузки, не стоит ли почаще привлекать вместо себя других дирижеров? Но стоит увидеть, как Кахидзе спешит на репетицию со студенческим оркестром или занимается сочинением музыки к кинофильмам, понимаешь, что вопрос этот праздный. Оркестр Лодзинской оперы в знак прощания с грузинским маэстро сыграл ему традиционные «Сто лет». Пожелание это перекликается с мудрой грузинской народной поговоркой: «Человек живет долго, если знает, зачем живет...»

Посмотрите веселую кинокартину «Чудаки». В титрах — фамилия Кахидзе как дирижера и как композитора. Но в фильме звучит не его голос. Он поет с первого до последнего кадра — самозабвенно, заодно, как человек, для которого музыка — радость, который знает, во имя чего живет.

● Дирижер Д. Кахидзе.